

Лагерлеф Сельма

Иерусалим

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С29

С29 **Сельма Л.**
Иерусалим / Лагерлеф Сельма – М.: Книга по Требованию, 2022. – 348 с.

ISBN 978-5-519-92237-1

ISBN 978-5-519-92237-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Въ Далекарліи.

ПРОЛОГЪ.

И н г м а р с е н ы.

Было раннее лѣтнее утро. Въ полѣ бодро шагаль за парнымъ плугомъ молодой земледѣлецъ. Приласканныя яснымъ солнышкомъ и освѣжаемыя чистымъ утреннимъ воздухомъ, хорошо отдохнувшія за ночь двѣ сытыя лошадки весело тащили плугъ по увлажненной росой землѣ. Въ это прекрасное утро лошадки такъ быстро сновали взадъ и впередъ по бороздамъ, что ихъ молодой хозяинъ едва поспѣвалъ за ними.

Перевертываемые острымъ желѣзомъ пласты земли были темно-коричневаго цвѣта и блестѣли отъ пропитавшей ихъ плодотворной влаги. Оглядывая эти многообѣщающія земляныя глыбы, молодой пахарь радовался при мысли, какъ хорошо черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ здѣсь колоситься золотистая рожь.

Вокругъ пахаря разстилалась длинная и широкая долина, испещренная квадратами зеленой озими, цвѣтущими картофельными полями, голубѣющими конопляниками, надъ которыми вились тучи бѣлыхъ бабочекъ, и уже скошенными участками душистаго клевера.

Какъ разъ посрединѣ этой цвѣтущей долины ширилась огромная старинная, вполне благоустроенная крестьянская усадьба. Большой жилой домъ, окрашенный въ красный, побурѣвшій отъ времени, цвѣтъ, былъ окруженъ множествомъ сѣрыхъ надворныхъ строеній. Передъ лицевой стороны дома красовалась группа старыхъ корявыхъ грушевыхъ деревьевъ, а по бокамъ крыльца рвались ввысь стройныя березы съ ниспадающими вѣтвями. Часть обширнаго, чисто содержимаго двора была занята запасомъ дровъ, другая, за сараемъ,—исполненными стогами сѣна.

Вся эта сельская картина дышала своеобразной поэтической прелестью, миромъ, довольствомъ и благодатью.

Широко шагая за плугомъ, молодой пахарь думаль свою думушку.

— Никакъ не могу понять, отчего это временами на меня находить такая тоска, словно и жизнь мнѣ не въ жизнь? — разсуждалъ онъ самъ съ собой. — Ужъ мнѣ-то, кажется, и грѣшно бы жаловаться на свою судьбу. Дворъ у меня слава Богу: домъ крѣпкій, уютный, полный всякаго добра; лошадей и разнаго скота много; весь онъ хорошій, молодой, здоровый и сильный. Вообще я смѣло могу равняться съ самыми крупными богачами въ округѣ, и за свою будущность мнѣ, какъ землевладѣльцу и домохозяину, нечего бояться. А между тѣмъ сердце и душу все что-то щемитъ, точно передъ большой бѣдою...

„Не оттого ли, — продолжалъ свои размышленія пахарь, — что нѣтъ мнѣ почета, которымъ пользовались на моихъ еще глазахъ дѣдъ да отецъ, хотя я управляю своимъ дворомъ не хуже, чѣмъ управляли они. Въдъ я только о томъ и стараюсь, чтобы во всемъ итти по ихъ слѣдамъ и быть такимъ же честнымъ, правдивымъ и дѣльнымъ, какими были они да и всѣ наши предки... Въ самомъ дѣлѣ, отчего такая разница въ отношеніяхъ людей къ нимъ и ко мнѣ? Въ какомъ благоустройствѣ оставилъ мнѣ отецъ родовое имѣніе, въ такомъ я его все время и поддерживаю. Даже сдѣлалъ кое-какія улучшенія въ хозяйствѣ. Что же касается моего поведенія, то развѣ я хоть чѣмъ-нибудь осрамилъ родъ Ингмарсеновъ, ни въ чемъ не уступающій самому чистому дворянскому роду? Нѣтъ, ничѣмъ я не измѣнилъ честнымъ правиламъ своего рода. Ни малѣйшаго пятнышка нѣтъ на моей совѣсти и чести. Даже въ мысляхъ никогда не было у меня ничего такого, чего бы могъ стыдиться настоящій Ингмарсенъ...

„Сосѣди во всѣхъ своихъ дѣлахъ всегда брали примѣръ съ отца, какъ раньше — съ его отца и такъ далѣе по поколѣніямъ. Бывало, когда отецъ приступаетъ къ жатвѣ, въ тотъ же день приступаютъ и сосѣди; начинается онъ запашку или косьбу — и они также. Я же вотъ ужъ часа три, какъ пашу паровое поле, но изъ сосѣдей никто и не думаетъ браться за плугъ. Все кругомъ точно спитъ или вымерло. И такъ стало во всемъ. Я дѣлаю, какъ дѣлали отецъ и дѣдъ, но никто и вниманія на меня не обращаетъ...

„Прежде принято было говорить, что Ингмарсены, какъ самый старый родъ въ округѣ, лучше другихъ должны знать, какъ жить по-Божьему, поэтому община всегда чуть не на колѣняхъ умоляла ихъ управлять ею. Отъ нихъ, Ингмарсеновъ, зависѣлъ выборъ пастора и кистера; они рѣшали, когда чистить рѣку, гдѣ и какъ строить школу, кого ставить въ учителя. Словомъ, они всегда ворочали всѣми дѣлами. У меня же никто никогда не проситъ и даже простого совѣта и отъ

меня въ общинѣ ровно ничего не зависить... Осенью будетъ еще хуже. Если я сдѣлаю то, что теперь задумалъ, то въ первое же воскресенье послѣ того, какъ это узнается, ни пасторъ ни земскій судья больше не подойдутъ ко мнѣ на церковномъ дворѣ, послѣ службы, чтобы, какъ все-таки было до сихъ поръ, пожать мнѣ руку; не станутъ больше выбирать меня и въ предсѣдатели попечительства о бѣдныхъ. А ужъ о томъ, чтобы быть церковнымъ старостой, придется оставить всякія мечты... Ахъ, если бы былъ еще живъ отецъ, ничего бы я не боялся. Онъ далъ бы мнѣ добрый совѣтъ, какъ поступить насчетъ того... насчетъ задуманнаго мною, и какъ бы онъ сказалъ, такъ я и поступилъ бы... Ахъ, какъ хорошо бы знать, гдѣ онъ теперь! Непремѣнно пошелъ бы къ нему“...

Ингмаръ-Ингмарсенъ—такъ звали молодого пахаря, какъ и весь необозримый рядъ старшихъ въ его родѣ—невольно громко разсмѣялся при этой мысли и, заинтересованный ею, принялся развивать ее до возможныхъ предѣловъ, призвавъ на помощь всю силу воображенія.

— Вотъ удивился бы Ингмаръ - старшій, если бы я вдругъ разыскалъ его новое мѣстопробываніе да и явился бы передъ нимъ!—продолжалъ молодой пахарь.—Я увѣренъ, что онъ на небесахъ или еще гдѣ, сидитъ въ такой же усадьбѣ, какъ его бывшая на землѣ, только во много разъ большей. Кругомъ столько луговъ и всякихъ полей, что въ недѣлю не объѣдешь ихъ; всѣ поля въ цвѣту, какъ у насъ теперь, а на поемныхъ лугахъ съ высокою, густою, сочною и душистою травою видимо-невидимо коровъ и рыжихъ и бѣлыхъ, но ни одной черной или пестрой; такихъ онъ у себя въ стадѣ никогда не допускалъ. Все это у него тамъ, какъ было на землѣ, только гораздо лучше... И вдругъ я вошелъ бы къ нему въ залу... Ха-ха-ха! Потѣха! Придетъ же въ голову такая штука?.. Ну, да ладно, будемъ думать дальше, какъ бы это вышло...

„Вхожу это я, значитъ, къ нему въ залу, а тамъ около всѣхъ стѣнъ сидятъ одни Ингмары - Ингмарсены. Всѣ они съ сѣдыми рыжеватыми волосами и большими нижними губами и такъ похожи другъ на друга и на моего отца, какъ одно яйцо на другое. Видя, что ихъ такъ много въ сборѣ, я чувствую робость и скромно остаюсь у дверей. Отецъ мой сидитъ на верхнемъ концѣ стола. Увидѣвъ меня, онъ восклицаетъ: „А! Ингмаръ Ингмарсенъ - Младшій! добро пожаловать!“ Встаетъ и подходитъ ко мнѣ. „Отецъ, — говорю я ему, — мнѣ нужно поговорить съ тобой кое о чемъ, да ужъ очень много тутъ народу“.— „Ну, что жъ, — отвѣчаетъ отецъ, — вѣдь это все напи,

тѣ, которые до насъ съ тобой жили на Ингмарскомъ дворѣ. Старшій изъ нихъ жилъ тамъ еще во времена язычества“. — „Можетъ быть, отецъ, — возражаю я, — но мнѣ нужно непременно поговорить съ тобою наединѣ“. Старикъ оглядывается, соображая, куда бы вести меня. Такъ какъ я не почетный гость, а только сынъ его, то онъ и ведетъ меня въ кухню. „Ну, какъ дѣла въ Ингмаркѣ?“ спрашиваетъ онъ, самъ усѣвшись на очагъ, а меня усадивъ на плаху. „Ничего, отецъ, все слава Богу. Прошлой осенью продавали сѣно по двѣнадцати кронъ за кипу“. — „Да можетъ ли быть? — удивляется старикъ. — Такихъ цѣнъ и при мнѣ слыхомъ не слыхать было“. — „Да, отецъ, тогда все было не такъ, какъ теперь. Потому-то я и пришелъ къ тебѣ. Мнѣ такъ тошно, хоть не живи на свѣтѣ. Со всѣхъ сторонъ только и жужжать мнѣ въ уши, что какъ не стало тебя, то все пошло прахомъ. Безъ твоего совѣта никто и шагу не ступалъ, всѣ жили по твоей указкѣ и были довольны. На меня же никто и вниманія не обращаетъ. И никуда меня не выбираютъ: ни въ общинный совѣтъ, ни въ училищный, ни въ церковный, ни даже въ комиссію по устройству бѣдныхъ, — никуда“. — „Гмъ! Странно! — мычитъ отецъ. — Значитъ, ты, Ингмаръ-Младшій, провинился въ чемъ-нибудь передъ людьми. Иначе я себѣ этого не могу объяснить“. — „Ахъ, отецъ, я ровно ни въ чемъ не виноватъ, — говорю. — Просто люди говорятъ, что тотъ, кто желаетъ давать совѣты въ чужихъ дѣлахъ, сначала долженъ умѣть устраивать, какъ слѣдуетъ, свои собственные“. Подумавъ нѣсколько времени, отецъ говоритъ: „Тебѣ нужно бы взять къ себѣ въ домъ дѣльную жену, Ингмаръ-Младшій“. „Я и самъ знаю, отецъ, что слѣдовало бы сдѣлать это, и хотѣлъ бы, но дѣло въ томъ, что ни одинъ крестьянинъ, даже изъ самыхъ бѣдныхъ, не хочетъ давать мнѣ своей дочери въ жены“. — „Гмъ! Значитъ, у тебя что-нибудь не совсѣмъ ладно. Говори, что ты натворилъ?“

„И я начинаю рассказывать ему, что четыре года тому назадъ, тотчасъ же послѣ того, какъ началъ хозяйствовать, я посватался за Бриту изъ Берскаго. Она хоть и не нашего рода, но тоже стариннаго крестьянскаго и богатаго, а отецъ ея состоитъ членомъ риксдага. Отецъ качаетъ головою и ворчитъ, что я напрасно посватался на сторону, когда у Ингмарсеновъ споконъ вѣка было въ обычаѣ жениться только на тѣхъ, кто одного съ ними корня. Я сознаюсь, что и самъ пожалѣлъ объ этой ошибкѣ, да было уже поздно. Отецъ спрашиваетъ, не красотою ли Бриты я прельстился. И это я долженъ подтвердить ему, потому что не можетъ быть лучше Бриты съ се

черными, какъ вороново крыло, волосами, розовыми щеками и ясными голубыми глазами... Потомъ объясняю, что она не только хороша собою, но и очень дѣльная. Моя мать была вполнѣ довольна моимъ выборомъ. И все было бы въ порядкѣ, если бы только сама Брита хотѣла имѣть меня своимъ мужемъ. На это отецъ резонно возражаетъ: „Да развѣ кто справляется, чего хотеть или не хотеть молоденькая дѣвчонка?“ — „Да, родители на ея желаніе и не обратили вниманія, а заставили ее безъ всякихъ разговоровъ дать мнѣ слово, — объясняю я. — Насъ обручили, сдѣлали церковное оглашеніе и назначили день свадьбы. Послѣ этого Брита переселилась къ намъ въ Ингмарку, въ помощь моей матери, какъ это у насъ часто водится, когда мать жениха не имѣетъ въ домѣ другой помощницы, а сама уже въ годахъ“. — „Во всемъ этомъ я не вижу ничего дурного, — говоритъ отецъ. — Ну, а что же было дальше?“ — „А дальше, отецъ, было то, что у насъ тогда былъ полный неурожай, даже весь картофель пропалъ, и скотъ отъ безкормицы сталъ хворать. Въ виду этого мы съ матерью и рѣшили отложить свадьбу на годъ. Мы думали попрежнему, что разъ было церковное оглашеніе, то самая свадьба ужъ не такъ важна, но въ наши дни люди стали думать по-другому“. — „Если бы ты взялъ невѣсту изъ нашего рода, то она противъ такого порядка ничего бы не имѣла“, замѣчаетъ отецъ. „Да, конечно, такъ, отецъ, и я хорошо видѣлъ, что Бритѣ не по душѣ такая оттяжка. Но что же мнѣ было дѣлать, когда у меня не было въ рукахъ денегъ на свадьбу? Вѣдь только за полгода передъ тѣмъ пришлось похоронить тебя, потомъ случился неурожай, а изъ сберегательной кассы я не хотѣлъ брать. Положимъ, я понималъ, что не очень-то радостно будетъ Бритѣ справлять крестины своего перваго ребенка до свадьбы съ его отцомъ“. — „Это все такъ, — говоритъ старикъ. — Но вѣдь прежде всего нужно думать о расходахъ и не дѣлать ихъ зря въ плохія времена, а переждать до лучшихъ“. — „Все это я не разъ толковалъ Бритѣ, — говорю я, — а она съ каждымъ днемъ дѣлалась все тише да грустнѣе. Я думалъ, она тоскуетъ по своимъ родителямъ, которыхъ очень любила, и по своему дому. То же самое думала и мать, но была увѣрена, что Брита потоскуетъ-потоскуетъ да и перестанетъ, привыкнувъ у насъ. Вѣрнѣе всего она тосковала изъ-за свадьбы. Я не рѣшался ее объ этомъ спросить, потому что все равно не могъ исполнить ея желанія. Ты всегда говорилъ мнѣ, чтобы я ко дню своей свадьбы заново выкрасилъ домъ, а именно на это-то у меня не хватало денегъ; не исполнить же твоего желанія я, разумѣется, и подумать не могъ... Такъ прошла у

насъ зима. Брита на себя не стала похожа, и я не раз думалъ о томъ, что было бы всего лучше отказаться отъ нея и отправить ее назадъ въ ея родной домъ. Но вѣдъ и этого ужъ нельзя было сдѣлать. Наступилъ май мѣсяцъ, и какъ-то вечеромъ Брита вдругъ исчезла. Проискали мы ее всю ночь, и только подъ утро нашла ее одна изъ нашихъ работницъ“. Дальше я не могу говорить: языкъ не слушается. Старикъ видитъ это и спрашиваетъ: „Господи, ужъ не мертвою ли нашли ее?“ „Нѣтъ, живую, — отвѣчаю я, и голосъ мой дрожитъ“. — „Такъ родила она, что ли?“ — „Да. Ребенокъ, задушенный ея руками, лежалъ возлѣ нея“... — „Такъ, должно-быть, она помѣшалась?“ — „Нѣтъ, отецъ, она была въ здоровомъ умѣ и полной памяти, а задушила ребенка въ отместку мнѣ за то, что я взялъ ее противъ воли. Если бы я женился на ней во время, она такъ не поступила бы, какъ созналась потомъ. Но такъ какъ я, по ея мнѣнію, не позаботился о чести ея и моего ребенка, то она нашла, что я недостойнъ быть отцомъ, и убила ребенка“. Отецъ грустно опускаетъ голову, тихо спрашиваетъ: „А ты радовался въ ожиданіи ребенка?“ — „Конечно, радовался“, отвѣчаю я. „Въ такомъ случаѣ жаль, что ты связался съ такой дурной женщиной, сынъ мой... Она теперь, навѣрное, въ острогѣ?“ — „Да, ее тогда присудили на три года въ тюрьму“. — „Поэтому-то, значить, никто и не хочетъ больше выдавать за тебя дочери?“ — „Да, отецъ... Впрочемъ, я и не сватался еще. Но съ этого времени люди перестали меня уважать. Они говорятъ, что если бы я былъ въ тебя умомъ, то сумѣлъ бы вызнать, что на душѣ у Бриты, и все дѣло измѣнилось бы къ лучшему“. — „Трудно неопытному молодому парню заглянуть въ душу женщины“, говоритъ старикъ. „Нѣтъ, отецъ, — возражаю я, — она вовсе недурная, а только очень гордая“. — „Ну, это все равно: что дурная, что гордая“, рѣшаетъ отецъ. Видя, что старикъ на моей сторонѣ, я продолжаю высказываться. Открываю ему, какъ судятъ меня люди за то, что я не сумѣлъ скрыть убійства ребенка. „По ихъ мнѣнію, будь на моемъ мѣстѣ ты, отецъ, ты замазалъ бы работницѣ ротъ, чтобы она не болтала лишняго, а сказала бы, что ребенокъ оказался мертворожденнымъ, и никто бы никогда не узналъ правды. Тогда бы я могъ уничтожить церковное оглашеніе и отказаться отъ невѣсты, подъ тѣмъ предлогомъ, что она отъ тоски по роднымъ принесла мертвого ребенка. Противъ этого никто не могъ бы и слова сказать“. Но отецъ всячески меня оправдываетъ. Онъ говоритъ, что нельзя же требовать отъ молодого парня, чтобы онъ былъ такой опытный, какъ человѣкъ пожилой. Я возражаю, что во всякомъ случаѣ передъ Бритою я не правъ, потому что

не долженъ былъ брать ее въ домъ, зная, что ей не хотѣлось итти за меня. Отецъ спрашиваетъ, не силкомъ же я заставилъ ее быть матерью? Нѣтъ, зачѣмъ силкомъ! Это случилось какъ-то само собою. Вѣдь въ началѣ мы думали, что можно будетъ въ свое время сыграть свадьбу. А такъ какъ Бритарѣшилась на убійство своего ребенка съ горя, что эта свадьба не состоялась, то, стало-быть, виновникомъ, что она угодила въ острогъ, я. Положимъ, передъ своей совѣстью я не виноватъ, такъ какъ имѣлъ твердое намѣреніе обвиняться нынѣшнюю же осенью, тѣмъ болѣе, что нынче можно ожидать хорошаго урожая. Да и безъ него я хотѣлъ сыграть свадьбу. Тронулъ бы запасныя деньги, если бы иначе мнѣ не обойтись. Ну, а передъ людьми я выхожу кругомъ виноватымъ. „Ну, и что же? Ужъ не думаешь ли ты жениться на ней, когда она выйдетъ изъ острога?“ спрашиваетъ старикъ, въ упоръ глядя на меня. „Какъ же иначе быть?“ отвѣчаю я. „А ты любишь ее?“—„Нѣтъ, теперь больше не люблю. Убивъ ребенка, она убила и мою любовь къ ней“, сознаюсь я. Старикъ задумывается, а я продолжаю говорить: „Въ послѣдній разъ я видѣлъ Бриту на судебномъ разбирательствѣ. Она горько раскаивалась въ своемъ грѣхѣ и все плакала, жалѣя ребенка. Мнѣ она не сказала ни одного дурного слова, ни въ чемъ меня не обвиняла, а винила во всемъ самое себя. Глядя на нее, всѣ плакали; даже у самихъ судей были на глазахъ слезы. Всѣ ее пожалѣли, поэтому только на три года ее и присудили“.

„Отецъ сидитъ молча, какъ воды въ ротъ набравшій. Мнѣ хочется его расположить въ пользу Бриты, и я говорю, что ей будетъ очень тяжело, когда она осенью выйдетъ изъ острога. Дома ей не обрадуются и могутъ попрекать ее сдѣланнымъ грѣхомъ. Носа ей нельзя будетъ изъ дома высунуть, даже въ церковь. Вѣдь всѣ станутъ коситься на нее и отвертываться при встрѣчѣ. Ни одна женщина—не говоря ужъ о дѣвушкахъ—не захочетъ сидѣть рядомъ съ нею на одной скамьѣ въ церкви.“

„Отецъ все молчитъ, какъ настоящій мертвый. Я объясняю, что, въ сущности, и мнѣ теперь не велика радость жениться на ней. Не хорошо домохозяину имѣть такую жену, на которую вся домашняя челядь будетъ смотрѣть, какъ на отверженную. Матери тоже невесело имѣть такую неvěстку. Кромѣ того, пожалуй, никто не захочетъ больше и знаться съ нами.“

„Старикъ продолжаетъ молчать, а я рассказываю, какъ заявилъ судьѣ, что во всемъ виновенъ одинъ я, а Бриту считаю такою чистою, что хоть сейчасъ готовъ съ ней обвиняться,

если только она этого пожелаетъ. Я зналъ, что она именно этого-то и не хочетъ, но сказалъ такъ судьѣ, чтобы внушить ему о ней лучшее мнѣніе и заставить его смягчить ей наказаніе. Она изъ острога писала мнѣ два раза, но ни однимъ словомъ не намекнула, что желала бы быть моей женой. Такъ не насильно же мнѣ теперь навязываться ей послѣ того, что случилось?

„А старикъ все молчитъ и молчитъ. Видно, раздумываетъ какой дать мнѣ совѣтъ. Я же самъ не свой и хочу, во что бы то ни стало, узнать, наконецъ, его мнѣніе. И вотъ говорю: „Отецъ, я хорошо понимаю, что нужно все разбирать по-человѣчески, и что мы, Ингмарсены, всегда старались итти по Божьимъ путямъ. Но мнѣ кажется, что Богъ едва ли можетъ желать возвеличенія дѣтоубійцы“.

„Наконецъ отецъ говоритъ, что онъ самъ не можетъ рѣшить такого важнаго вопроса и долженъ посовѣтоваться съ предками. Онъ уходитъ къ нимъ въ залу, а мнѣ велитъ ждать... И я вотъ все жду до этихъ поръ!—вдругъ съ новымъ взрывомъ смѣха заканчиваетъ Ингмаръ-Младшій нить своихъ фантастическихъ размышленій.

— Эхма!—вскричалъ онъ вслухъ, тряхнувъ головой.—Да какого мнѣ еще нужно лучшаго совѣта, чѣмъ примѣръ моихъ честныхъ предковъ да собственная совѣсть? Передъ Бритой я былъ невольно виноватъ, ну, передъ нею и долженъ оправдаться... Положимъ, это на мнѣ отзовется очень тяжело. Всѣ будутъ избѣгать меня... Э, да пусть смотрятъ на меня, какъ хотятъ, лишь бы я былъ чистъ передъ Богомъ, передъ своей совѣстью и передъ своими предками... не говоря ужъ о самой Бритѣ, хоть я и пересталъ ее любить... Не даромъ же Ингмарсены столько вѣковъ сидятъ все на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ вокругъ нихъ дворы такъ и переходятъ изъ рукъ въ руки. Это потому, что Ингмарсены всегда шли по Божьимъ путямъ, а людского суда могутъ и не бояться. Такъ хочу жить и я...

Углубленный въ свои мысли, Ингмаръ-Младшій успѣлъ вспахать нѣсколько бороздъ. Лошадки пошли тише и уже начинали нетерпѣливо пофыркивать, выказывая поползновеніе пожевать свѣжей сочной травы, росшей на межахъ.

Въ это время на тропинкѣ, узкою сѣрою лентою извивавшейся между полями, вдругъ показался пожилой человѣкъ, несшій черезъ плечо длинную малярную кисть и весь съ головы до ногъ обрызганный всякаго рода красками. Это былъ бродячій маляръ, искавшій случайнаго заработка. На ходу онъ зорко озирался по сторонамъ, въ надеждѣ увидѣть домъ, ну-

ждающійся въ новой окраскѣ. Маляръ въ это утро видѣлъ уже нѣсколько такихъ домовъ, но пока ни на одномъ не остановился, а шелъ дальше, намѣреваясь сначала осмотрѣть всю заранѣе намѣченную имъ мѣстность.

Но когда онъ очутился на небольшой возвышенности и увидѣлъ внизу огромную Ингмарку, такъ красиво и привольно раскинувшуюся среди долины, то радостно воскликнулъ:

— Вотъ счастье-то! Домъ этотъ весь бурый отъ времени; стало-быть, цѣлыхъ сто лѣтъ не перекрашивался. Нужно будетъ уговорить хозяина раскошелиться на это дѣло теперь. Надворныя же постройки и вовсе никогда не видѣли кисти съ краскою, и ихъ тутъ такъ много, что мнѣ хватитъ работы вплоть до самой осени... Пойду-ка прямо въ этотъ дворъ... Впрочемъ, вонъ тамъ кто-то пашетъ. Навѣрное, здѣшній. Лучше его сперва поразспросить насчетъ этого двора: кто хозяинъ и можно ли ожидать отъ него, что онъ согласится пустить къ себѣ бродячаго маляра... Да, такъ будетъ лучше.—И онъ направился прямо къ пахарю.

Оторванный вопросомъ этого человѣка отъ своихъ думъ, Ингмаръ вздрогнулъ и такъ дико взглянулъ на прохожаго, точно увидѣлъ въ немъ что-нибудь сверхъестественное. „Вотъ чудеса-то!—подумалъ онъ про себя, онѣмѣвъ отъ изумленія.—Словно отецъ и въ самомъ дѣлѣ узналъ мои мысли и спѣшитъ послать мнѣ маляра для окраски дома“.

Молодой человѣкъ отлично помнилъ, что его отецъ не разговаривалъ при немъ, что домъ непременно слѣдуетъ перекрасить заново въ годъ свадьбы Ингмара-Младшаго. Значить, старикъ, находясь въ томъ мірѣ, рѣшилъ, что сынъ долженъ жениться именно въ этомъ году, и даетъ ему объ этомъ знать черезъ прохожаго маляра. Безъ дальнѣйшихъ разговоровъ онъ принялъ „отцова посланца“ на работу, велѣлъ ему отправиться въ усадьбу и дожидаться тамъ его возвращенія съ поля, а самъ, бодрѣе прежняго шагая за плугомъ, со слезами растроганности на глазахъ благодарилъ духъ отца за данное въ лицѣ маляра указаніе, сразу рѣшившее всѣ его недоразумѣнія и сомнѣнія.

* * *

Спустя нѣсколько недѣль Ингмаръ былъ занятъ чистою выѣздной лошадиной упряжи и ворчалъ про себя: „Да, будь я посмѣлѣе, всегда устраивалъ бы такъ, чтобы каждое задуманное дѣло въ ту же самую минуту и выполнялось, а не сталъ бы столько времени зря канителиться по всякимъ тамъ постороннимъ соображеніямъ“...

Въ это время къ двору кто-то подѣхалъ и прервалъ его. Взглянувъ на лошадей и возокъ, Ингмаръ крикнулъ въ открытое окно кухни, гдѣ возилась его мать:

— Матушка, встрѣчай гостя! Пріѣхалъ депутатъ съ Бергскаго!

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе въ кухнѣ раздалось удивленное восклицаніе. Тѣмъ временемъ экипажъ остановился въ открытыхъ воротахъ. Сѣдокъ, однако, оставался на мѣстѣ и на приглашеніе Ингмара пожаловать въ домъ отвѣтилъ:

— Мнѣ некогда; я спѣшу въ засѣданіе общиннаго совѣта и заѣхалъ по пути только затѣмъ, чтобы сказать тебѣ нѣсколько словъ.

— Ну, четверть-то часика вы могли бы пожертвовать намъ, — возразилъ Ингмаръ. — Мать вонъ ужъ и кофе вамъ готовить.

— Благодарю. Но, право, боюсь опоздать...

— Неужели господинъ депутатъ захочетъ насъ обидѣть и откажется выкупать въ нашемъ домѣ чашку кофе? — раздался укоризненный голосъ хозяйки, появившейся на крыльцѣ.

Ингмаръ услужливо откинулъ кожаную полость экипажа, и сѣдокъ поневолѣ спустился на землю.

— Разъ это такъ желательно уважаемой бабушкѣ Мергѣ, то, конечно, я отказаться не могу, — сказалъ онъ, снимая шляпу.

Это былъ очень красивый, высокаго роста, стройный и подвижной человѣкъ среднихъ лѣтъ, казавшійся полной противоположностью Ингмару и его матери, которые оба были некрасивы, коренасты, мѣшковаты и съ сонными лицами. Однако этотъ красавецъ чувствовалъ глубокое уваженіе къ древнему роду Ингмарсеновъ, хотя только и крестьянскому, и съ удовольствіемъ отдавалъ бы свою красоту и ловкость за возможность имѣть неуклюжую наружность представителей этого рода. Даже въ грустной исторіи своей дочери Бриты онъ держалъ сторону Ингмарсеновъ и теперь былъ очень доволенъ, видя радующіе хозяйки и ея сына.

Выпивъ чашку крѣпкаго, душистаго кофе съ густыми сливками и превосходнымъ свѣжимъ печеньемъ, пріѣзжій прокашлялся и заговорилъ:

— Мнѣ захотѣлось сообщить вамъ обоимъ, что мы съ женою рѣшили относительно дальнѣйшей участи Бриты, — началъ онъ и, остановившись, смущенно взглянулъ на хозяйку.

Чашка въ ея рукѣ такъ сильно задрожала, что тяжелая серебряная ложка зазвенѣла на блюдечкѣ. Но ни старушка ни ея сынъ ничего не отвѣтили.